

*Константин
Ваншенкин*

**ПОЗДНИЕ
ЯБЛОКИ**

Лирика

Москва
**СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ**

1980

Константин
Ваншенкин

**ПОЗДНИЕ
ЯБЛОКИ**

Лирика

Москва
**СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ**
1980

Книгу известного поэта Константина Ваншенкина составили его новые стихи.

Остросюжетные баллады, мимолетные портреты, моментальные снимки картин природы, движение души, запечатленное в точной поэтической детали,— все говорит о чуткой душе поэта, о зрелом его мастерстве.

* * *

Приехали — а все цветет:
Семь вишен, яблоня и слива.
Понятно, это каждый год,
Но так приехали счастливо.

Мгновенный радостный испуг —
Ведь я забыл о вешнем дыме.
Как если бы вошел — и вдруг
Родных увидел молодыми.

Художник. ВЛ. МЕДВЕДЕВ

ЭКРАН

На замерзшем экране окна,
Что луною подсвечен снаружи,
Только голая ветка одна
Средь февральского ветра и стужи.

На экранах российских снегов,
Что синеют, сиянья не пряча,—
Повторение рощ и стогов
И о дальнем пути передача.

БАЛЛАДА О ПОБЕГЕ

Э. А. Киселеву

Из госпиталя — в часть!
В часть под любым предлогом.
Сестра заснула, шашь —
И вот он за порогом.

И сразу же во тьму,
В сад черный и холодный.
Вчера, прощаясь, взводный
Сказал ему: — Возьму.

До фронта заживет,
Пока туда доедем... —
Он движем только этим
И убыстряет ход.

Распахнута фланель
Больничного халата.
Но припасли ребята
Под елкою шинель.

Стеклянная роса
Искрится на погоне.
И слышатся погони
Ночные голоса.

Сиренью сад зарос.
Он встал у поворота.
Вот няня и завхоз.
Еще промчался кто-то.

— Сейчас, сейчас найдем! —
Летят напропалую.
А он кружным путем
На станцию другую.

В рассветной полумгле,
К платформе, через силу,
По мокрому настилу,
На желтом костыле.

Да здравствует вовек
Уменье быть собою.
К друзьям, к тревогам, к бою
Мучительный побег!

* * *

Особенное наше поколение —
Цветенья предвоенного краса.
Оно вводилось в виде пополнения
В неполные полки и корпуса.

Оно тогда осмыслило едва ли:
Его, пока еще не полегло,—
Как кровь живую, армиям вливали.
И это, между прочим, помогло.

НА ВСТРЕЧЕ ФРОНТОВИКОВ

Серафиму Вихлинину

День прошел, и вечер длинен,
Но, как прежде, мы сидим,
Дорогой мой Серафим,
Боевой мой друг Вихлинин.

Годы ветром отнесло,
Словно лодку от причала.
Можно б все начать сначала,
Да обронено весло.

Меж домами гаснет зорька.
Погоди ты, Серафим.
Получилось: помним столько,
Что не верится самим.

Помним, помним, помним, помним,—
Видно, в этом наша суть,—
По лесам, болотам, поймам
Простирающийся путь.

Сима, Сима, друг мой Сима,
Посоветуй, как нам быть.
Что-то стоит позабыть.
Помнить все невыносимо.

* * *

Приемник выключен — и сразу
Погас. Но на исходе сил
Уже бессмысленную фразу
Артист почти договорил.

С недоумением и обидой,
Однако явственно вполне.
Так мог бы говорить убитый,
Что и случилось на войне.

* * *

Были женщины в войну —
Всех любили, всех жалели,
Кто в обмотках и в шинели.
Я такую знал одну.

Было общее у них:
Возвышали в ласках женских
Не каких-нибудь снабженцев,
Интендантов и штабных,

А солдатика того,
Молодого, что, быть может,
За отчизну жизнь положит,
Не изведав ничего.

Но потом — войне конец.
Наступили перемены,
И они сошли со сцены,
И отнюдь не под венец.

Разумеется, тогда
Мы ничуть не ощущали
Благодарности, печали,
Сожаленья и стыда.

* * *

Оставил свой протез,
Сжал крепче костыли,
По лестнице полез
На станции Фили.
— Протезы не болят! —
Заметил не шутя.—
Но лишь на первый взгляд.
Зато горит культя.

Зато пылит пурга,
Жжет душу до костей.
Зато болит нога
До тех молодых ногтей...

СТАРИК СОЛДАТ

Старик солдат на скверике,
Повернутом к Москве-реке,

Средь этих деток маленьких
Сидит, почти как памятник.

Дружки его потеряны.
Пути его измерены

Привалами короткими,
Бинтами да обмотками.

А время рвется далями —
Звенеть его медалями.

МОСКОВСКОЕ ДЕТСТВО

Детство плеснет Москвою,
Словно волной морскою.

Змеем большим хвостатым,
Крохотным стратостатом.

Взорванным громким храмом,—
Слышишь, удар по рамам?

Перед забытым, перед
Многим, что помнишь сам,—
Твердо слезам не верит,
Верит легко словам.

Теплая, обжитая,—
Уж такова молва,—
Яростно обжигая,
Грозно гудит Москва.

В сутолоке
И суматохе
Сухаревки
И Самотеки.

СВИСТ

По переулкам вечер мглист.
Там детство время коротало,
Когда вставал протяжный свист
Из мрака ближнего квартала.

Пойдет мурашками спина
От их излюбленной манеры.
Свистит зацепская шпана,
И реже — милиционеры.

Его услышать каждый мог,
Тот свист на темных скверах вызрел.
А следом крик и топот ног
И иногда — короткий выстрел.

Холодной ночью ветровой
Он под окошком, рядом вроде,
Как в деревеньке волчий вой
Почти уже на огороде.

На дальних реках шум шуги.
Пора предзимняя в разгаре.
Внизу — негромкие шаги
И разговор на тротуаре.

И поражается душа,
Когда с бесстрашием беспечным
Высвистывает не спеша
Прохожий песенку о встречном.

СТИХИ ОБ ОДНОЙ КОМНАТЕ

Жили в комнате одной?
Вам тогда понятно это.
Долгожданный выходной,
А отец встает до света.

Электричество зажег
Или встал, не зажигая,—
Ведь за окнами снежок,
Площадь белая такая.

Если комната одна,
От нее немного толку.
Терпеливая жена
Ночью плачет втихомолку.

Два несчастных старика
Стонут, словно от разлуки.
Ревматизм наверняка
Им выкручивает руки.

Если комната одна,
То, конечно, здесь же дети
Им порою не до сна.
О каком тут речь секрете!

Жили в комнате одной,
Говоря: «Была б квартира»?..
Предвоенным и войной,
Как волною, окатило.

Жили — вон она видна.
Правда, были помоложе...
Но и жизнь всего одна,—
Вы учитывайте тоже.

СТАРАЯ ГРАВЮРА

Этот мир, он, конечно, не вечен,
Но живут переулки, мосты...
И сижу я второй уже вечер
Над гравюрами старой Москвы.

Поражает метущая люто
Вьюга — вниз или вкось по Тверской.
Поражает игрушечность люда
Над замерзшей Москвою-рекой.

Поражают кареты и санки,
Бабы с булками, псы,— и с утра
Эскадроны гусарской осанки,
Из чьих ртов округленных: «Ура!»

Ну, естественно, конное тягло.
Но всего поражают сильней
Колоннада Большого театра
И обоз ярославских саней.

Как ошибка, описка, помарка —
Над твоими гусьями, Москва,
Поражают, послаще подарка,
Дом Пашкова, Ивана глава.

Поражают московские воды,
Где и сам ты купаться был рад.
Поражает продленность природы,
Неба, солнца, дворцов и оград...

ЖЕНЫ ПОЭТОВ

В прошлое взглядом пройдуся,
Где мы бывали стократ.
Галя, Лариса и Дуся —
Жены поэтов стоят.

У освещенного входа
Снежный взвивается прах.
Сколько, однако, народа,
Шума на тех вечерах!..

Как они гордо встречали
С невозмутимостью всей
Радости или печали
Их беспокойных мужей.

На слово, что ли, поверьте:
С ними, а часто одни,
Все-таки в той круговерти
Счастливы были они.

Послевоенные годы.
Слабо устроенный быт.
То ли от вьюжной погоды,
То ли от строчек знобит.

ГНЕСИНСКОЕ УЧИЛИЩЕ

Помнишь это здание
И пологий скат
С площади Восстания
Дальше, на Арбат?

На проходим катанки.
В крупных окнах свет.
Слаще этой каторги,
Вероятно, нет.

Куст присел на корточки,
А к нему в метель
Из раскрытой форточки
Стон — виолончель.

Не натаской узкою,
Не одним трудом,
А высокой музыкою
Переполнен дом.

Простенькая песенка —
Радостный полет,—
Что девчонка-гнесинка
Тоненько поет.

Лежал на дне кювета,
Прошел весь путь насквозь.
Потом еще и это
Изведать довелось.

ЧТЕНИЕ СТИХОВ В ФОЙЕ КИНОТЕАТРА

А. Межирову

В фойе кинотеатра,
Пока сеанса нет,
Стихи читает автор —
Лирический поэт.

Он был в тот вечер хворым,
Но все-таки пришел.
В кинотеатре «Форум»
Толпой затоптан пол.

На полную железку
Гремит кинопрокат.
Висит, исполнен блеску,
С Ладыниной плакат.

Девчонка в космах рыжих —
Обтянутая грудь —
Мороженое лижет,
Не слушая ничуть.

Сдувая с пива пену,
Воспринимают нас
Как слабую замену
Оркестру в поздний час.

Жаль, не осталось кадра
Из тех забавных лет.
В фойе кинотеатра
Уже притушен свет.

* * *

Глянул — да он же стар,
Временем перемолот.
Как же он старым стал?
Был же недавно молод!

Юношеский тот след
Кое-кому был введом.
Ну, а теперь вот сед,—
Нет сомнений в этом.

Как-то молчком, бочком,
В область шагнул иную.
Сделался старичком,
Целую жизнь минуя.

друзья

Были вы из одного
Словно выпечены теста.
Не осталось от того
Ни подтекста и ни текста.

Были соединены
Словно вольтовой дугою.
Но потом другие сны.
Стала цель у вас другою.

Захотелось вам потом
Деловито и сурово
Утвердить себя путем
Низвержения другого.

* * *

Его глубинная черта,
Неистребимая, хоть режьте,—
Чудовищная пустота,
Не замечаемая прежде.

Или всегда она была,
Но молодостью заслонялась,
Иль выгорело все дотла
Там, где души светилась малость?

Спешит с ключами к гаражу.
Я не могу с собой бороться
И взгляд невольно отвожу,
Как от тяжелого уродства.

ЖЕНЩИНЫ ВЕСНОЙ

Нарастающей волною —
Словно вывешен приказ —
Вышли женщины весной,
Обнаружились при нас.

И на зависть
Всем богиням,
И на радость
Всем разиням
На крыльце или в окне
Возникали в чем-то синем —
Просто в синем-синем дне.

В РАЗГАР ВЕСНЫ

В разгар весны, мучительный разгар,
Мужчина все же выдержит удар.

Лишь слабо дрогнут краешки ноздрей,
Лишь мир на миг увидится острей.

Но ты, мой бедный паинька, юнец,
Тебе сейчас действительно конец.

Идет она — прекрасная, хоть плачь,
Коленьями расталкивая плащ.

Но взглядывает он — и ничего.
Она проходит около него.

А он под этой высью голубой
Товарищами занят и собой.

ИЗБАВЛЕНЬЕ

Вы, конечно, отмечали
Не единый в жизни миг
Избавленья от печали,
От иных еще вериг.

Избавленья от болезни,—
Как ее ни назови,—
От рождающейся песни,
От любви и нелюбви.

ЮНАЯ ЖЕНА

Способность женщин к трудным языкам.
Пристрастие к актерствованью, к сцене.
Умение грустить по пустякам.
Готовность к самой важной перемене.

Идет весною юная жена,
Фамилию сменившая с охотой.
Невольно улыбается она,
Довольная собою и погодой.

Немного странно, чуточку не то.
И радостно, и нет назад возврата.
Слегка стесняет новое пальто —
Как не свое, покуда не обмято.

* * *

Все внезапно позабыто.
И, рассудку вопреки,
Крыша дома, кромка быта —
Нереально далеки.

Шелестящий берег мóя,
Скатывается вода.
Эта женщина у моря
Бесконечно молода.

Все купаться да купаться!..
В брызгах плечи и лицо.
С утончившегося пальца
Сваливается кольцо.

ДВОЕ

После уборки и стирки,
Долгой работы дневной,
С мужем была она в цирке.
Поздно вернулись домой.

Им впечатлений хватило
От представленья вполне,
И показалась квартира
Тихой и милой вдвойне.

Словно была у них ссора
И примиренье сошло,
Так посреди коридора
Поцеловались светло.

...Вдруг про себя отмечаем,
Что мы в дороге — одной...
С крепко заваренным чаем
Сели на кухне ночной.

Месяц ни шатко ни валко
Синим дрожит маяком.
Свежая эта заварка
Пахнет парным молоком.

Скачут ученые кони.
Сны осеняют жилье.
Плотно висит на балконе
Ночью сырое белье.

ЧИСТКА КРЫШ

Словно в космос, выхожу на крышу
Из чердачного окна
И невнятно позывные слышу —
Ими улица полна.

Не в чести сигналы звуковые,
Но почти сквозь сон
Достигает слуха не впервые
Отдаленный звон.

Город повседневностью поборот,
Жизнь его покоя лишена.
Только здесь — особый верхний город.
Солнце, тишина.

Над заставой выгнул дым лохматый
Линию свою.
С длинной деревянной лопатой
На краю стою.

Чтобы жить и дальше честь по чести,
Выбросим балласт.
Как натужно едет вниз по жести
Снежный мерзлый пласт.

И, о землю ударяясь мордой,
Рассыпая колкий пар,
С треском разбивается о мокрый,
Огражденный тротуар.

* * *

От белых крыш до пят
Окутаны покоем,
Дома ночные спят,
Уютно и легко им.

Меж ними даль видна,
И странно-непривычно —
Где два, где три окна
Горят несимметрично.

И вдруг — из края в край,—
Повитый снежной пеной,
Почти пустой трамвай...
Последний или первый?

ТРАМВАЙ

Орбита трамвая
Прочерчена не напоказ.
Что ж, эта кривая,
Наверное, вывезет нас.

Где листья сгорали
Под черным стальным колесом,
По этой спирали
Себя быстротечно несем.

Экраны окраин,
Где новые фильмы идут,
И Времени равен
Сюда доносящийся гуд.

Светильников цедра,
Огней многократных игра.
Мы кружим близ центра,
В тени городского ядра.

По-прежнему в скверах
Негромко поют соловьи.
Из сумерек серых
Мы входим в иные слои.

Мы пересекаем
Слепящий поток голубой
И красным трамваем —
В прохладу, опять, с головой.

* * *

Утрату помним в полной мере,
Ушедших чествуя людей.
Всё так. Но эти две потери
Я ощущаю каждый день.

Один — поэт завидной силы,
Другой — артист большой судьбы.
И странно близки их могилы
Внутри единой городьбы.

Давно без них мелькают годы.
Себе отчет я отдаю
В том, что их резкие уходы
Опустошили жизнь мою.

РОМАНС

Посреди ночного мира,
В тишине, издавека,
По асфальту — мимо, мимо —
Два точеных каблучка.

И на миг всего, не боле,
Отзывается в груди
Отголосок смутной боли,
Той, что будет впереди.

До сих пор та ночь хранима,
Словно сердцем новичка.
По асфальту — мимо, мимо —
Два точеных каблучка.

Что поделаешь, за годы
Расставаний и разлук
Не убавилось заботы,
Но остался этот звук.

Над водой полоска дыма.
Тают в небе облачка.
А по жизни — мимо, мимо —
Два точеных каблучка.

И на миг всего, не боле,
Отзывается в душе
Отголосок давней боли,
Нами прожитой уже.

* * *

Переодевалась у окна,—
Непонятно, что ее тянуло,
Только обнаженная она
Подходила, платье взяв со стула.

Ей бы отдалиться в глубину
Комнаты — о скромности забота,—
Но ее к широкому окну
Словно бы выталкивало что-то.

Женщины столь странная черта —
Безразличной смелости минута.
Но она спокойна и чиста
И не предназначена кому-то.

Всю себя сиянию открыв,
Двигается, в задумчивости вроде,
Острый неосознанный порыв —
К листьям, свету, воздуху, — к природе.

ПОРТРЕТ

Какой прекрасный чистый цвет
Выдавливается из тубы.
Здесь женский пишется портрет —
Глаза, и волосы, и губы.

А сам художник хмур и стар
И на припеке мерзнет летом.
Но разве бы ты спорить стал,
Что есть и он в портрете этом?

* * *

Давно усвоив жизни этой ход,
Искусствам знавший цену и наукам,
Проснувшись утром, чувствовал — умрет
При виде завитка ее над ухом.

Не говоря ни слова, думал вдруг:
«Нет, все. Конец. Не выдержу и сгину»...
Дивился гибкости ее столь длинных рук,
Когда, прогнувшись, терла губкой спину.

* * *

В лес уходит больная собака,
Чтобы травки целебной поесть.
Мы не знаем такого санбата,
Даже если он где-то и есть.

Мы не знаем такого инстинкта.
Но порою побыть одному
Не вредит — поболело и стихло —
Среди поля, в лесу и в дому.

ОТЪЕЗД

Присели на дорожку,
И некого винить,
Что позабыла брошку —
Ростовскую финифть.

За лесом и за полем,
Там, где машин поток,
Ах, чем теперь заколем
Сиреневый платок?

Вспомнишь, как в детстве ты
Сидела на скамейке
И ждала, как придет мальчишка,
Сидишь, как в школу идешь.

Вспомнишь, как в детстве в поле,
Сидишь, как в школу идешь,
И ждешь, как придет мальчишка,
Сидишь, как в школу идешь.

Вспомнишь, как в детстве ты
Сидела на скамейке
И ждала, как придет мальчишка,
Сидишь, как в школу идешь.

* * *

Вмешательство поезда в наши дела
Не в том, что поехать возможность была,—
За это иному воздастся хвала.

А в том, что характер навязывал свой,
Что грохотом выдал себя с головой
Летающий полями экспресс голубой.

Что чай расплескался от дома вдали,
Что с книгою вместе очки поползли,
Что видно в окошке вращенье Земли.

В ВАГОНЕ

Не прочитала книги ни одной,
Не одолела никакой науки.
Душа ее спала, как в летний зной,
Не испытал ни радости, ни муки.

Но как сама смотрела свысока
В вагоне на сидящего поодаль
Смешливого чудного старика,
Рассказом разгоняющего одурь.

Так дети малые на карлика глядят,
Поражены его лицом и ростом,
Испуганно в него вперяя взгляд
С наивно-изумленным превосходством.

* * *

Входим, словно в комнату,
В мир, чтоб в самый раз
Приобщиться к опыту
Живших здесь до нас.

Обольститься истиной,
Помыслом благим,
Стоя с книжкой, листанной
Кем-нибудь другим.

* * *

То ли мокрого куста
Свист под ветром слаб и тонок,
То ли выпал из гнезда
Неумелый вороненок...

Вы, гуляя налегке,
Пожимаете плечами,
Слыша где-то вдалеке
Звук, исполненный печали.

СОРЕВНОВАНИЯ АВИАМОДЕЛИСТОВ

Там, где в небо вытянулась ель,
Где тропинки узкие по лугу,
Авиамоторная модель
Носится отчаянно по кругу.

На дрожащей тонкой бечеве,
На совсем теряющейся леске
Ходят в предвечерней синеве
Склепанные тщательно железки.

То стрижет над самою травой,
Что уже тем временем сырая,
То восходит к небу по кривой,
Тут же вниз рискованно ныряя.

Да и непрерывный этот звук,
Вызывая смутную тревогу,
То щемящим делается вдруг,
То опять густеет понемногу.

Где-то стадо движется, мыча.
Тень садов легла на тротуары.
Дальнего футбольного мяча
Слабые доносятся удары.

Редкого тумана полоса.
И почти в течение недели
Над поляной нашей голоса
И жужжанье авиамодели.

ОСЕННИМ ДНЕМ

С разрозненной силой тупою
Порывами дуют ветра,
И дым над печною трубою
На клочья раздерган с утра.

Старуха идет через поле
В чиненом своем пальтеце
С гримасой — не горя, не боли,
А жизни на блеклом лице.

* * *

Трудно дышится от влаги.
В ней стволы и провода,
Вяло в люки и овраги
Скатывается вода.

Относительная влажность
Воздуха в течение дня.
Относительная важность
Дел, касаемых меня.

СЕСТРА

Медицинская сестра,
Милосердная сестрица,
При дороге, у костра,
Дай, пожалуйста, напиток.

Кто придумал так назвать,
Так позвать, зайдясь от боли,—
Не жену, не дочь, не мать,
А сестру в широком поле?

Подойди ко мне, сестра,
В душной стонущей палате,
Среди ночи и с утра,
В снегом пахнущем халате...

Если ж все идет к добру,
И другие ждут задачи,
На вчерашнюю сестру
Смотрят чуточку иначе.

* * *

Петляя туда и сюда,
Тропинка бежит за болото.
Беспечности нет и следа.
Сентябрьской поры позолота.

Одна из извилистых троп,
Где пень посреди поворота.
Здесь золото истинных проб,
А вовсе и не позолота.

Темнеющих сосен ряды.
Чего пожелать еще мне бы?
За ними — полоска воды.
Сперва я подумал, что неба.

И лодка средь водной слюды,
Быть может, Бориса и Глеба.
По сердцу — полоска воды.
Сперва я подумал, что неба.

* * *

Опять задача решена:
Листва лавиной сходит с липы,
И тут же снова тишина,
И мы острее с нею слиты.

Потом еще один обвал,
Что спровоцирован сорокой,
И словно слабый слой отпал
От жизни, вольной и широкой.

Жизнь замерла, но точки нет,
А все как будто запятые,—
Над голым лесом синий свет
И лиственницы золотые.

Долго мотой залетишь,
Домы выделен, видимо, садам,
Тонко выделен золотым
Словом идея соединенных стаям.

Что, как благодарно согрет,
Вечерки в том же же с деревом,
Расположены пасмурный свет
В окне оказался поведанно.

Тот день безвозвратно прошел,
Остался давно за чертой,
Но память лучший помол
Полоской горит золотой.

Тот срок бесконечно далек,
Дороги дождями размыта
Но светится бедный денек,
Продержен сквозь тонкие сита.

РОЖДЕНИЕ МАТЕРИКА

Материк раскололся как льдина,
И все шире и шире вода.
То, что было недавно едино,
То разъято теперь навсегда.

Палку все-таки перегибая,
Шла конвульсия в толще коры.
Только линия береговая —
Как свидетель той грозной поры.

Сестры были не просто родными,
Но росли в колыбели одной.
И Атлантика встала меж ними,
До небес достигая волной.

ПАРУСНИК

Вечера меркнувший миг
Тлеет на поручне медном.
Мачтами висится бриг,
Явственно движимый ветром.

Как обнаженно видна
Жизни летящей пучина! —
Тишь. Только плещет волна.
Ходко хрустит парусина.

И удивительный крен,
Прочно владеющий судном.
Вместе — свобода и плен
В этом пути безрассудном.

Вместе — покой и полет.
Так на бесшумном планёре
Ходит беспечно пилот
В синем небесном просторе.

* * *

...и два гуся.

Из песни

Видел я, как два гуся в недавнем году
Отвалились от стаи,
Не смогли удержаться на полном ходу,
Постепенно отстали.

На мгновение притормозил эшелон,
Чтобы им зацепиться,
Но пошел и пошел, высотой опален,
И остались две птицы.

Из березника листьев каленую медь
Выбивало как ересь.
А они продолжали лететь и лететь,
Ни на что не надеясь.

И не в том их беда, что туда не попасть,
Где зимою отрадно.
А иная беда и другая напасть —
Не вернуться обратно.

На сгоревшей траве серебра волокно
Отливало бедою.
Их по-прежнему что-то вперед волокно
Над остывлой водою.

* * *

Так наполнен я этой равниной,
Так налит пространством родным,
Что, безжалостно ими ранимый,
Понимаю, что ими храним.

Снова даль,—и стою я пред нею,
А она так чиста и легка,
Что уже я привычно пьянею
От совсем небольшого глотка.

Равнина лесной переулочек

Устье переулочек Лесным:
Лес возле самого дома.
Многого связано с ним,
Словно ожившая память знакома.

Ягода в нем и грибы —
Близко. Но тянет в глубину.
А для своей городьбы
Выволок можно рвануть.

В полдень тепло уже в нем,
С краю, под лиственной челкой.
Так прогревается днем
Речка вдоль отмели желтой.

Но осмотрительней будь —
В сумерках к лесу неожиданно
Перекрывает нам путь
Длинный шлагбаум тумана.

Ночью сгущается лес.
С гайным смотрю интересом,
Как половина небес
Скрыта чернеющим лесом.

Утром на крышах роса.
Голос несмазанных втулок.
Плавню втекает в леса
Первый Лесной переулочек.

Дом под погасшей луной,
Изображая повесу,
Давней рябинкой лесной
Машет склоненному лесу.

* * *

Не князи, тем боле из грязи,—
У нас положенье скромней.
Но есть у нас нужные связи,
Хранимые нами с корней.

Используем, правда, не вволю,—
Что мы на зеленой звезде
Допущены к лесу и полю,
Приближены к светлой воде.

* * *

У других на руках
Быстро дети растут.
Мы не знаем никак
Их тревог и простуд.

Так неожиданно порой —
Незаметным трудом —
Стооконной горой
Появляется дом.

Вы буквально за миг
Совершаете ход.
А у нас у самих
Все так долго идет.

Трудно книга идет.
Труден глазу петит.
День разлуки — как год...
И лишь время летит.

СОН РЕБЕНКА

Спит малый ребенок в кроватке.
Разбудят — и то ничего.
Вновь сон его будет в порядке,
Ведь спит все его существо,
Играя с неведеньем в прятки
Под шум, обступивший его.

Под грохот внезапный в передней,
Где гости в двенадцать часов,
Спеша к электричке последней,
Нажали не так на засов.
Под ливень стремительный летний,
Под шелест родных голосов.

* * *

Младенец говорит отдельные слова,
И прыгают они подобьем круглых бусин.
Их нужно б нанизать на смысла нить сперва,
А он не хочет ждать, он слишком безыскусен.

Он слово произнес, причем уже давно.
Но повторять не стал. Скажите-ка на милость!
А может быть, оно — то самое одно,
Которое под шкаф случайно закатилось.

* * *

Семьи заведомый оплот,
В венце пластмассовых гребенок,
Несет в себе свой тайный плод,
Сама почти еще ребенок.

Подруги давних ранних лет,
К своим исполненные ласки,
Надменный излучая свет,
Стеною катят три коляски.

И женщина еще одна
Спешит с мальчишечкой, мелькая,—
То ль бабушка ему она,
То ль мать, не слишком молодая.

Стоит обманчивый покой.
Медок нагуливают сливы.
И громяют за рекой
Демографические взрывы.

ОБЪЯСНЕНИЕ

Сказал: — Еще с тех пор...—
Ответила: — Я тоже... —
И глянула в упор,
Смущая и тревожа.

Дождинку стерла с губ,
Но не поцеловала.
Знать, кровь различных групп
В их жилах бушевала.

* * *

Растерянный, остался у окна,
Не сознавая в горе и обиде,
Что у влюбленных логика одна:
— Я вас люблю, и вы меня любите.

За что любить? Да именно за то,
Что мне отдельно смысла в жизни нету.
Что вытащил, как в картах иль в лото,
Счастливую, к несчастью, долю эту.

* * *

И вдруг узнала: у него
Уже два года есть другая.
Не понимая ничего,
В письмо смотрела не мигая.

То поражало наповал,
Что шли вчера, сияла зелень,
А он шутил и напевал,
Лишь был чуть более рассеян.

Вдруг вспоминала, бог ты мой,
Его задумчивые ласки,
Приходы поздние домой
И взор спокойный, без опаски...

* * *

Противоречие меж музыкой и словом,
Меж просекою, брезжущей в окне,
И маленьким пейзажиком лиловым,
Заранее висящим на стене.

Противоречие меж мыслимым пределом
И гранью, обрывающей наш след.
Противоречие между лицом и телом
У девушки в ее шестнадцать лет...

ПОРТ ПРИПИСКИ

Ближе, ближе... И вот с высоты корабля —
Как деталь из реестра —
Золотые увидел внизу кренделя
Духового оркестра.

Ближе, ближе... И вдруг — словно ждал это век —
На причальной полоске
Всю ее как во сне устремленную вверх,
В незнакомой прическе.

* * *

Как будто бы с картины Грабаря,
Голубизна ударила большая.
Друг другу ничего не говоря,
Они стояли, головы сближая.

Ко лбу ее он так прижал свой лоб,
Что для нее слились его два глаза.
А где-то далеко, над синью снежных троп,
Звучала недосказанная фраза.

* * *

Выражает себя не словами,
Не отточенным блеском ума,
Но осанкой, ногами, глазами,
Что вполне понимает сама.

И — поддержаны внутренней верой —
В этой брошке и в ниточке бус
Проявляются полною мерой
Такт, изящество, тонкость и вкус.

СВОЯЧЕНИЦА

Жена так на ногу быстра,
Так улыбается, летая.
А младшая ее сестра,
Свояченица молодая,

Казалось бы, наоборот —
Медлительна, как не проснулась,
Хранят глаза и пухлый рот
Почти младенческую хмурость.

Никак случилось что-нибудь,
Хоть и не вырвалось наружу?
Иль кто сказал: поостроже будь,
На случай, к сестриному мужу?

Ну что вы, жизнь давным-давно
Размерена привычным ладом.
Но задевает все равно
Его тем давним, юным взглядом.

АВТОБУСНАЯ ОСТАНОВКА

Автобусная остановка —
В лесу дощатый кузовок.
Конечно, явная обновка,—
Я знаю место назубок.

Укрытие от дождя косого,
Прибежище в пути земном.
И даже никакого слова
Не нацарапано на нем.

Что нам еще судьба предложит?
Блестит лужок, росой умыт.
Я сел на низенький порожек
И слушаю, как лес шумит.

Стволов закатная полуда
Средь вечереющей глуши.
И ни автобуса покуда,
Ни голоса и ни души.

УСТАЛОСТЬ

Объяснить, что такое усталость?
Но ведь вам не понять.
Никаких уже сил не осталось,
И крыла не поднять.

Та картина безжалостно зрима:
Из неблизких сторон
Вновь скворцы дотянули до Крыма
И осыпали склон.

И под слабой пустой синевою,
Где лишь облачка вязь,
Так лежат они — сутки и двое,
Ничего не боясь.

ГОРЕНЬЕ

Вдруг вспыхнул так, что не шути,
Что явным стало нарушенье.
Так лампочка горит в сети,
Где вдвое выше напряженье.

Минута, две — а больше нет.
Конец от жуткого излишка.
Смертельно-яркий белый свет.
В глазах оставшаяся вспышка.

ВСТРЕЧА

Воды поздние светят сурово.
Среди сизого красный закал.
И доносится: — Миша, здорово!
Я не сразу тебя и узнал.

Как ты молод! За смертной оградой
Ты таким представляешься мне
В снежном мареве, с Колей Отрадой,
На короткой, на зимней войне.

Ты всю бороздишь эти воды.
Голос твой хриловатый не молк.
Есть в бортах твоих признаки моды,—
Что ж, и раньше ты знал в этом толк.

Ты такой же, в походке, в повадке.
Вновь с тобой повидаться я рад.
Ты, по-моему, Миша, в порядке,
Как мальчишки сейчас говорят...

Воды поздние светят сурово.
Луч уставился в рубку слепя.
— Извини меня. Здравствуй, Серега!
Я не думал здесь встретить тебя.

Подойди на минуту поближе,
Подрули поскорее сюда.
Бороды твоей рыжей не вижу.
От ожогов твоих ни следа.

Мы вставали под страшным ударом.
Мы единых корней и кровей.
Да и в детстве, наверно, не даром.
Нас заметил Чуковский Корней.

Гаснут знаки деталей капризных.
Телеграфные меркнут столбы.
Остается единственный признак —
Одинаковость нашей судьбы.

И с улыбкою,— правда не с прежней,—
Где в глазах эти блики рябят,
Мы, возможно, на ветреном стрежне
И других повстречаем ребят...

...Рулевые стояли, не слыша
На ответственной вахте своей
Тихих слов: — До свидания, Миша... —
И ответных: — До встречи, Сергей...

* * *

Мемориальная доска:
«Здесь жил с такого по такой-то»...
Но возникает не тоска —
На сердце тихо и покойно.

И я в квартире этой был.
И я, прислушиваясь к речи
Хозяина, мед-пиво пил,
А может, что-нибудь и крепче.

И я смотрел во все глаза
В его глаза — в той давней дали.
А остальные голоса,
Казалось, не существовали.

* * *

С облегчением вспомнил сквозь сон:
Мелкой рябью наполнены лужи.
Лист кленовый, что с ветки снесен,
На стекле прилепился снаружи.
Дождь шуршит то яснее, то глуше.
Воскресенье — спешить не резон.

Наилучшие в жизни года:
И родители наши здоровы,
И к свершениям дети готовы,
И мы сами еще хоть куда.
Но — что делать! — близки холода
И грядущие вьюги суровы.

* * *

Полоска зари золотая
Горела меж елей, когда
Клубилась река, замерзая,
Пытаясь уйти ото льда.

Казалось, что эти морозы
Осилить ее не вольны.
Но выросли утром торосы —
Посмертные маски волны.

Посмотрите молча вверх
Умудренными глазами:
Поздних яблок фейерверк
Над опавшими садами.

Не для тех, кто в суете,
Не для жадного и труса —
Добирают в высоте
Цвета, гладкости и вкуса.

ПОЗДНИЕ ЯБЛОКИ

Ночью ветер пел в трубе,
Толь ворочал на сарае.
Утром яблоки в траве
В две корзины собирали.

Выбирали из стеблей,
Как вполне наземный овощ.
А тепло текло с полей,
Приходя труду на помощь.

Вот лежат они в сенях.
(— Я отведаю, спасибо!..)
Под кожуркою синяк
От паденья и ушиба.

А потом — пусты сады.
Откатился говор летний.
Резкой осени следы
Все заметней и заметней.

Иней, шифер серебря,
Пал на крышу, а над нею —
Наподобье снегиря,
Село яблоко, краснея.

И еще, еще одно —
В синеве, да как высоко!
Хоть почти прекращено
От корней движенье сока...

ЗМЕЯ

Ту ошибку свою
Вспоминаю нередко.
Наступил на змею —
Был уверен, что ветка.

Оказалась больна
Там, где рыжая влага,
Иль решила она
Притвориться за благо?

Отскочил через миг,—
Так сработала сила.
А она напрямик
По траве проскользила.

С дрожью крикнул: «Убью!..»
И, бродя средь осинок,
Целый месяц змею
Ощущал сквозь ботинок.

ФОНАРЬ

Была жара, и день прошел впустую,
Упала тень, прохладой одаря.
Но жалко мне сейчас листву густую,
Страдающую возле фонаря.

Фонарь горит в тяжелой плотной кроне,
Куда попал, естественно, не сам,
И ничего не обещает, кроме
Вечернего мучительства листам.

* * *

Все фартило да фартило,
И прервался этот фарт...
Словно в грохоте тротила,
Обозначился инфаркт.

Дом, отмеченный страданием.
Привезли меня сюда.
Высоко над главным зданием
Отрешенная звезда
В черном мартовском просторе.

Но исполнена вдвойне
Звездочка на мониторе
Отношения ко мне.

А за нею, вслед за нею,
Излучая слабый свет,
Вспыхивая и бледнея,—
Жизни тянущийся след.

* * *

Дверь придержал идущий предо мной,
Чтоб я перехватил ее рукою.
Так с веткой управляются тугою,
Идя в затылок тропкою лесной.

Так о соседе думает сосед,
Сам этого почти не замечая...
Основа общежитья золотая.
Одна из наилучших эстафет.

* * *

Молодая ветка клена.
Но под осень садовод
Холодно и непреклонно
Эту ветку отсечет.

Щелкнут ножницы — бог с нею!
И не нам сие решать.
Ветви есть куда сильнее —
Им не следует мешать.

* * *

Моментальная вспышка сирени,
Что сверкнула почти как гроза,
Положила лиловые тени
На стекло, на платок, под глаза...

* * *

Свет погасил. И мигом
Сад в снеговом плену
Непостижимым сдвигом
Приблизился к окну.

Он кинулся из мрака,
Не ожидая слов.
Так чуткая собака
Угадывает зов.

Пушистый после вьюги
И в некотором сне,
Густого снега вьюки
Несущий на спине.

Вбежал из ближней дали,
Выказывая прыть,
Как если бы позвали
Кормить или поить.

Под сенью небосвода
Подробно виден мне...
А следует всего-то
Убавить свет в окне.

БАЛЛАДА О ПСЕ

Пес пропал три дня назад,
Он хозяину был нужен
Охранять фруктовый сад.
Сам хозяин стал недужен.
Сам хозяин стал слабак
Обходиться без собак.

Но сейчас была зима,—
Жили в городе зимою.
Хлопьев крупных кутерьма
За гардиною слепую.
Вьюги бешеный накат.
Пес пропал три дня назад.

Стыл в стакане крепкий чай.
Поздний час. Очки. Газета.
Вдруг хозяин слабый лай
Вдалеке расслышал где-то.
Он рванул окно, позвал.
Бил в лицо метельный вал.

К лифту кинулся скорей.
Вниз немедленно. И что же?
Пса увидел у дверей.
Тот присмотрен был, похоже.
Шерсть мерцала, коротка.
И — обрывок поводка.

Поднялись тотчас же в дом,
Где теперь он главный стержень.

Добрый пес вилял хвостом,
Но был сыт и странно сдержан.
Он вздыхал и заодно
Стал коситься за окно.

Скоро нужно, как во сне,
Выезжать, смотреть за домом
И готовиться к весне
На участке том садовом,
Скуку зимнюю гоня...
Пес пропал назад три дня.

Что же, планы под откос?
Хмур хозяин, как отшельник.
Но опять явился пес.
Был на нем чужой ошейник.
И конечно, за пургой
Кто-то ждал его другой.

А потом совсем исчез,
Канул словно бы по знаку.
Дел скопилось позарез,
И, другую взяв собаку,
Влез хозяин с ней в такси,
С горьким привкусом тоски.

И его сомненье жгло
Над решением задачи:
Сделать выбор тяжело
По-людски и по-собачьи.
Может быть, причина — в нем.
Так он думал долгим днем.

Но потом привык — дела.
В день прольешь немало пота.
Столько яблоня дала,
Что куда девать — забота.
Бодр еще в свои года.
И собака хоть куда.

СВЕТОВОЙ СИГНАЛ

Звуковые сигналы не в моде,
И не трудно без них обойтись
Всем, живущим в открытой природе,
Кроме разве зверей или птиц.

Дождь со снегом, худая погода.
Из дверей вырывается пар.
И усталый шофер пешехода
Окликает при помощи фар.

Электричка выходит из рощи
И не громкогласой трубой,
А прожектором бешеной мощи
Сотрясает простор пред собой.

Наконец вдалеке эстакада,
И на блеклом пространстве холста
Неподвижное пламя заката,
А позднее — ночная звезда.

Так нас учит наш собственный опыт.
Непонятно одно — отчего
Человеческий голос и шепот
Поражают сильнее всего.

ОБЩИЙ ВАГОН

Это — обязательная сумма
Звона, ветра, всяческого шума,
Смеха, карт, задумчивости, слез
И внизу грохочущих колес.

Кто-то признавал одну Ротару,
Кто-то пел тихонько под гитару:
«...в старомодном ветхом шушуне...»
Кто-то горевал о Шукшине.

* * *

Оттиск научной статьи
Дарит мне друг без оглядки —
Плотные числа свои
В определенном порядке.

Формул — двенадцать страниц,
Дальше — нормальная фраза.
Снова цифирь без границ —
Лишь для особого глаза.

Для МГУ и МЭИ,
С их восприятием чутким...
Может, и в строчки мои
Смотрит он с этим же чувством.

* * *

Физики играют в теннис.
Увлеченье — первый сорт.
Это их завидный тезис.
Это их заглавный спорт.

Над кирпичной крошкой корта,
Утрамбованной катком,
Звук ударов слышен твердо
С характерным рокотком.

Озарения, просчеты.
Долгих будней полоса.
И вот эти — до работы
Молодые два часа.

От ракетки до ракеты
Плеск в глаза голубизной...
Эти майки, шорты, кеды.
Мир с привычной новизной.

АНДРЕЮ СТАРОСТИНУ

Что футбол! Золотая крупца
Той действительно общей игры,
Что в мирах, завихряясь, клубится,
Что вбирает и нас до поры.

Да, мне нравится, как вы живете,
Широко — как цыган, как игрок.
Как в поэме на самом разлете,
Где немало еще между строк.

Выделяясь из лучшего ряда,
Доверяясь не всяким словам.
И поэтому искренне радо
Сердце, если случается вам

Прирожденной походкой ковбоя
В старый клуб ненароком войти,
Обжигая собою, судьбою,
Не нарочно, а лишь по пути.

С дорогим сотоварищем вместе
В уголочке устроиться здесь,
«Все погибло,— сказать,— кроме чести».
Кроме чести! — и в этом вы весь.

* * *

При знакомстве — как укор
Скованности общей —
Откровенный взгляд в упор,
Словно свет над рощей.

При знакомстве — в самый раз
За мгновенье ровно
Плавность губ и живость глаз
Разглядеть подробно.

При знакомстве — что́ слова!
Смотрит суть прямая,
Имя-отчества сперва
Не воспринимая.

* * *

Не огорчаться слишком,
Когда сквозь сон труба
По их недавним стрижкам
Прокатится, груба.

Не расслабляться очень,
Когда стоишь в строю
И отпускает осень
С ветвей листву свою.

Пройти начальный обжиг
Тех самых душ и тел,—
На основаниях общих
Приемля свой удел.

Услышал дальний гул,
Растущий понемножку,
И плечи развернул,
Как тульскую гармошку.

БАЛЛАДА О ВОЗМУЖАНИИ

Военною весной,
За лесом, на привале,
Солдатик доходной —
Так это называли.

Шинельный балахон,
Понятно, не по мерке,
Но жеваный погон
Без вложенной фанерки;

Нет хлястика — беда,
И щеки посинели,
А шея так худа
Над воротом шинели!

Держи, солдат, фасон.
Не раз весной военной
Бывал я потрясен
Внезапной переменой.

Рядком едим и спим.
Естественно — пехота.
Но что же это с ним?
Никак случилось что-то?

Увидел длинный путь
Под летним небом пыльным
И не кого-нибудь —
Себя прямым и сильным.

* * *

Где-то на юге горела степь,
Где-то грустили поля об озими.
Город неведомый Кингисепп
Все-таки сдан в сорок первом, к осени.

Целый вагон командирских жен,—
Ах, как тревожно на новом месте им! —
Был оглушающе поражен
Этим, понятным лишь им, известием.

Выскочил враг к роковой черте,
Вдоль рубежей и редутных запаней,
И в западне оказались те,
Что оставались немного западней.

Каждый судьбу свою получал.
Сделавшись ко всему готовыми,
Плакали жены их по ночам,
Подозревая, что стали вдовами.

БАЛЛАДА ОБ ОТПУСКЕ

Вытаскивал тайком —
Что ж, дело молодое —
Бидоны с молоком
Вечернего надоя,

Что часто, от тепла,
В колодезь опускали.
А ночь уже текла
Из притемненной дали.

Горели под луной
Бидонов белых слитки.
Под крышкой ледяной
Вверху густели сливки.

Девчонок городских
Во тьме светились лица,
И он, жалея их,
Велел не торопиться.

Мерцали небеса,
Поистине бездонны.
Лишь через полчаса
Он опускал бидоны.

Все было оттого,
Что шла война на свете.
Дружков — ни одного,
Одни подружки эти.

Плыла луна в кольце,
Под ней плыла поляна.
Был отпуск при конце,
И подживала рана.

* * *

Посередине стол стоит,
А на столе — повестка.
А парню завтра предстоит
Далекая поездка.

А будет в ней большой салют,
Тяжелое раненье.
Потом в семью медаль пришлют
На вечное хранение.

Ах, велика ему шинель
И велика ушанка.
В пустых полях свистит шрапнель,
И страшен вид у танка.

Лежит дорога, вся в дыму —
От райвоенкомата...
Так получилось, что ему
И жизнь великовата.

ТРОФЕЙНЫЕ ЧАСЫ

Отраженный в классике
Фирменный трофей.
Крохотные часики
Западных кровей.

Золото на кобальте —
На старинный лад,
Но в пыли и в копоти
Этот циферблат.

Но в дыму и в пламени
Этот небосвод,
И едва ли правилен
Их неслышный ход.

* * *

В неясном сне, судьбою данном,
А может быть, и наяву,—
Солдат с мешком и с чемоданом,
Опущенными на траву.

А на него глядит от входа
Под провожающий напев
Та, что ждала четыре года
И вот глядит, оторопев.

Соседний сад в туман закован.
Окно. Вечерняя звезда.
И старичок, такой знакомый,
Торчит — как птенчик из гнезда.

* * *

Ему немало доставалось,
Как достается там, в огне.
Его персоной на войне
Смерть трижды интересовалась.

Дела к зиме — и лужи хрупки.
Светает. Иней на земле.
На теле, словно на стволе,
Три этих памятных зарубки.

БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Два инвалида ВОВ¹
В лугах заволжской дали
Загадку обсуждали
Бермудских островов.

Как бы вносили в акт
Тьму случаев окольных.
Бермудский треугольник
Был несомненный факт.

Исчезли корабли,
Где было все исправно.
А ведь совсем недавно
Их слышали с земли.

Но душу жгли вдвойне
Пропавшие без вести,
С кем сами были вместе
Еще на той войне.

¹ Великая Отечественная война, теперешнее официальное сокращение, принятое в военкоматах и собесах.

ТАНК

Танк оказался разут,
Как мы тогда говорили.
Стоек был редкий редут
В облаке взвившейся пыли.

Танк оказался разут
Взрывом уральской гранаты.
Вот и окончился тут
Путь этой черной громады.

Вот и окончился так
День этот, начатый ходко.
Лопнул, не выдержав, трак,—
Как размоталась обмотка,
Как отлетела подметка.

Разворотило ступню
Силой огня и азарта...
К давнему летнему дню
Память вернулась внезапно.

Десятилетия прошли.
Все же глаза не устали
Видеть в дыму и в пыли
Гору поверженной стали.

СОН ПОБЕДИТЕЛЕЙ

М. Львову

«Пусть солдаты немного поспят»,—
Написал еще раньше Фатьянов.
Спали все — под громовый раскат,
Днем и в нитях упавших туманов.

Это множество спящих мужчин
На ступенях подъездов и в травах,
За баранками пыльных машин,
На остывшей броне и на траках.

Им не верилось в это самим.
И среди обожженного луга
Командир с ординарцем своим
Головами касались друг друга.

Гул войны их покоя лишал
Все четыре немислимых года...
Мертвый немец, как спящий, лежал
В двух шагах от уснувшего взвода.

Спали все. И прозрачный дымок
Их дыханья вставал меж развалин.
Таял день. Пал Берлин. И не мог
Дозвониться до Жукова Сталин.

* * *

Что за люди, что за пруть!
И как смотрят браво!
Словно немощными быть
Не имеют права.

Не дана им эта власть —
Жизнь влачить в печали.
А дано им — лишь упасть,
Прямо, как стояли.

Их бесстрашные сердца,
Все почти отстукав,
Оптимизмом до конца
Раздражают внуков.

МОСКОВСКИЙ ДОЛГОЖИТЕЛЬ

Не горец, не из сакли,
Где облако в дверях.
Но годы не иссякли
И кое-чем дарят.

Те годы так гудели,
Что звон в крови возник.
И как он, в самом деле,
Протиснулся сквозь них?

Сквозь горе и отраду.
Да так вот — не робей!
Он скачет по Арбату,
Московский воробей.

Московский долгожитель —
Сквозь дождь и снежный дым.
А вы им дорожите ль?
Так дорожите им.

* * *

Не стоит спорить со стариками,—
Мотив щемящий в ночи возник,—
Пускай им кажутся сорняками
Растенья, выросшие без них.

Пугаясь моды, как смен погоды,
В воспоминаньях пускай парят.
— Вот в наше время! Вот в наши годы! —
Пускай с достоинством говорят.

Пускай считают нас слабаками,—
На них и вправду земля стоит.
Не нужно спорить со стариками.
...Чего так рьяно? А сам старик.

СТАРИКИ

Делам бессчетным вопреки,
Всегда у сердца на примете
Присмотренные старики,
Живущие на белом свете.

Казался хмурым Смеляков.
Но среди его достоинств прочих —
Желанье слушать стариков,
По преимуществу рабочих.

А как Твардовский полон был
Душой, что к нежности готова,—
Как Исаковского любил
И Соколова-Микитова!

СОСЕД

Был он молод и высок,
Пропыленный, потный,
Совершая марш-бросок
С выкладкою полной.

По-пластунски, под огнем,
Хоронясь от пули...
Обещали: «Отдохнем!»
Нет, не отдохнули.

...Жизнью жил вполне простой
Он полвека целых
И теперь трусит трусцой
В медицинских целях.

* * *

Блестит огонь, слепя.
Бьет в душу канонада.
Живите за себя,
Жить за других не надо.

На праздничных пирах,
В благополучной доле,
Зря не тревожьте прах
Полегших в чистом поле.

Давно тот бой затих.
Герои спят в могиле.
Не тцитесь жить за них —
Они свое свершили.

* * *

Покину тесный карантин,
Приму военную присягу.
Оберегая карабин,
К огню походному присяду.

Выносливым и смелым стать —
Скажи, кому это не лестно?
А на дощатых нарах спать —
Для позвоночника полезно.

Чтоб это поле перейти —
Ползти в предутреннем тумане.
А все, что будет впереди,
Не предусмотрено заранее.

* * *

Девушка в длинной шинели.
Госпиталь. Юность. Война.
Как они, право, сумели
Вынести это сполна?

Если приходится худо,
Лучшую мину сострой.
Годы прошли — и покуда
Та же работа сестрой.

Четко подстрижена челка.
Возраст? А возраста нет.
Вечнозеленая елка,
В белый глядящая свет.

БОЛЬ

Подхвачен жизненным потоком,
Среди мелькающих забот,
Живу под болью, как под током,—
Она трясет меня и бьет.

Я вроде не был в жизни трусом.
Вот отпустило. Но опять —
Стою под болью, как под грузом,
Где не положено стоять.

* * *

Понял, что ты незаметно проник
Во временные, иные пределы.
Прежде ты ведал и слышал про них,
Нынче они о себе прогудели.

Ты оглянулся, увидел: светло
Бодрым морозцем и воду, и сушу.
Ветер все чаще тревожит стекло.
Белла все больше походит на Ксюшу.

ЭКРАНИЗАЦИЯ РОМАНА...

* * *

Экранизация романа.
Еще не скоро передых.
Ложатся тонкие румяна
На щечки женщин молодых.

Фанерные трясутся стены.
Графиня в буклях пьет бульон.
Батальные снимают сцены —
Обходит флеша батальон.

Но как, скажите, обойдете
При свете сердца и ума
То, что во фразе, в обороте,
В неповторимости письма?

Монтажной хитростью какую
Замените накоротке
Не только то, что за строкою,
Но то, что собственно в строке?

Сидя, днем, когда придется,
Спит поверхностно старик.
Далеко, на дне колодца,
Женский смех и детский крик.

Вот очнулся он, и сразу —
Будто помнили о нем —
То ли муха возле глаза,
То ли птица за окном.

То ли дымка сна земного,
Что с собой его брала.
То ли это тень иного
И не здешнего крыла.

ЗЕНКЕВИЧ

Какая странная судьба! —
Один из главных акмеистов
На стадионе был неистов,
Кричал и пот стирал со лба.

Он много лет переводил —
Эдгара По, а позже Фроста.
Живя естественно и просто,
Он не жалел на это сил.

Но был счастливее стократ
Там, на трибуне, на «Динамо»,
Ахматовой и Мандельштама
Такой загадочный собрат.

Он говорил, что Симонян
Не зря увенчан громкой славой,
А у Татушина изъян,
Поскольку бьет лишь только с правой.

БЕГУН

Как знак судьбы, свой номер вынешь
И к цели пустишься одной.
И вот уже в квадратах финиш
Ударит встречною волной...

Лишь при замедленном повторе
Видна отторгнутая даль.
И, потонувшего в просторе,
Ему себя немного жаль.

* * *

Да, нас мало. Мы в плотной десятке.
Наши лица в пыли и в поту.
Атмосферные сыплют осадки,
И асфальт обжигает пята.

Нас корябают ваши шиповки,
И под гомон стоустой молвы
Нас еще оттесняют от бровки.
...Как, однако же, выдохлись вы!..

ЗНАКОМЫЙ

Благородная душа,
И успел немало за год.
Рассуждает не спеша,
Но вы чувствуете: занят.

Снисходителен и сух,
С чуть замедленной отдачей.
Осознание заслуг.
Озабоченность задачей.

КНИГА ТОВАРИЩА

Вот взялся я за книжку,
Что вы прислали мне,—
Как бы рванул задвижку,
Щеколду на окне.

И с хмурых побережий
В мой предвечерний дом
Ударил ветер свежий
Со снегом и с дождем.

Биенье вашей боли
Вошло ко мне сюда.
А это в нашей доле
Бывает не всегда.

Понятно, мы не грубы,—
Я эту мысль гоню,—
Но все же смотрим в зубы
Дареному коню.

* * *

Артист не должен быть красив
И занят внешностью своею.
В нем должен быть иной курсив —
Значительнее и сильнее.

Бесстрашно помыслы чисты,
И опадает славы пена,
Являя главные черты
Алейникова и Габена.

* * *

В. К.

Мне сказал один поэт:
Старой матери и сестрам
Наблюдать охоты нет
За его заметным ростом.

Да и милая жена
(Высшее образование!),
Вряд ли чувствует она
Глубину его призванья.

Не клонят с почтеньем лбов
Перед музами и перед
Ним... но есть к нему любовь,
И в его таланты верят.

СТАРЫЙ ПОЭТ

— А как я живу? —
Смотрит чертом, журнал отложив.—
Еще на плаву,
До сих пор, представляете, жив.

Но прочно забыт.
Не смущайтесь, я знаю давно.
Немного знобит.
Ничего, я прикрою окно?

Такие дела.
Вот вам строчки недавнего дня:
Жизнь мимо прошла,
Просвистев, не попала в меня...

ТОЛСТОЙ

Переплетение ветвей,
Жизнь будущая и былая.
И взор его из-под бровей
Посверкивал, испепеляя.

Писатели, из тех, кто вхож
К нему,— в волнении глубоком
Тайком испытывали дрожь,
Как бы общаясь лично с Богом.

А те, что жили невдали,
Обожжены толстовским светом,
Писали ярче, чем могли,
Как это было даже с Фетом.

ЧИТАЯ ТОЛСТОГО

Такая исповедь есть проповедь —
Мал человек, но и велик,
И нужно выстоять — и пробовать
Жить так, как совесть нам велит.

* * *

Ощущение врача,
У которого за дверью,
Беды разные влача,
Преисполнены доверья,
Люди ждут...
 А в небе, мча,
Птицы вниз роняют перья.

ТЕЧЕНИЕ БОЛЕЗНИ

Больной не ест, не пьет.
Отбрасывает книжку.
Термометр — как лед,
Засунутый под мышку.

Что, дождь?.. С высот сойдя,
Средь лампового блеска
Лицо жены с дождя,
Приближенное, резко.

А сам он мал и гол,
Купанья ждет в корыте.
Еще один укол?
Пожалуйста, колите.

Воспоминаний круг
Распался. С прошлым счеты.
Приехал старый друг.
Прощаться? Что ты, что ты!..

И вдруг — спокойный свет.
Снежинки вьются редко.
Глядит — а друга нет.
Пустая табуретка.

И с дрожью новых сил:
— Я не сумел заметить,
Он снился или был?..
— Был, был. Уже дней десять...

* * *

Волной — внезапная тоска
Близ вечеряющих березок, —
Как бы подземного толчка
Невероятный отголосок.

Там город корчится в пыли
Во власти бешеного гула,
А в многотысячной дали
Вдруг лампы явственно качнуло.

* * *

Тупую боль загнал
Мне в сердце новый приступ —
Болезни явный признак,
Прямой ее сигнал.

Утихла — и опять.
Спасение в уколе.
Терпеть не надо боли,
Боль следует снимать.

Но если в поздний час,
С улыбкой, на вокзале,
Разлуки нож вонзали
Спокойно, прямо в вас,

Тогда напрасный труд —
Таблетки и уколы,
Мольбы или укоры.
Лишь время — лекарь тут.

ПЕРЕМЕНА

Ни оркестра, ни шутих,
Ничего того, что было.
Как он робок стал и тих,
А ведь лихость просто била.

Надорвался сгоряча,
Уронил, кривясь от боли,
С богатырского плеча
Куль сырой заволжской соли.

Побеждал одним туше.
Порвалась тугая жила.
Но обидней, что в душе
Тожe лопнула пружина.

ИГРУШКИ

Игрушки для детства —
Верблюды, пингвины, слоны —
Исполнены дерзко
И, видимо, этим сильны.

Раскраска барана,
Хвостов лошадиных кудель.
Смещенная странно
Животного мира модель.

Солидная белка
И крохотный бурый медведь.
Что крупно, что мелко
В натуре — узнается впрядь.

В науку вгрызаясь,
Когда-нибудь вспомнишь едва,
Что выглядел заяц
Гораздо значительней льва.

Жизнь, мчащую мимо,
А также ее суррогат
Из пестрого мира
Младенец берет наугад.

СТУДЕНКА

С утра занималась она,
Весь день находилась при деле,
И словно какая струна
Держала ее на пределе.

И вдруг наплывала волной
Истомная порция лени,
Потворствуя страсти одной —
Учебник склонить на колени.

Впадала на миг в забытье,
Спала, упуская детали.
Но мягкие губы ее
По-прежнему что-то шептали.

БАЛЛАДА О ЗИНЕ КУЗЬМИНОЙ

Зина, Зина Кузьмина.
Прозвище — Кузи́на.
Стала летчика жена
Молодая Зина.

Запахи бензина.
Азиатская жара.
Взгляд немного робок.
Небо белое с утра.
Двигателей рокот.

Не по-девичьи уже,
А вполне по-женски
Сладко видится душе
Лето в Воскресенске.

Шепчет Зина: — Милый мой...—
Голова в тумане.
Едет бедная домой,
На побывку к маме.

Ведь уже рожать должна
Дочку или сына.
Пусть давно не Кузьмина,—
Прозвище — Кузина.

Зина, Зина, будь добра,
Претерпи все муки...
Двоюродная сестра
Счастья и разлуки.

ОТЪЕЗД ДЕ ГОЛЛЯ ИЗ МОСКВЫ...

Отъезд де Голля из Москвы...
Он был носатый, стройный, старый,
Овеянный военной славой,
Которой не забыли вы.

И в то же время не старик.
Не тень из прошлого, вернее.
Де Голль напоминал Корнея
Ивановича в этот миг.

По улицам твоим, Москва,
Он ехал, стоя величаво,
И мерно кланялся — сперва
Налево, а потом направо.

И явно нравилось Москве
Явленье дружеского шага.
И Франции союзной шпага
Просверкивала в синеве.

ХУДОЖНИК МАРКЕ

Мне понятен художник Марке,
Хоть искусство его не простое.
Жил он в мире — не в малом мирке —
И работал на пестром просторе.

Но не только поселок морской,
Серебристые блики и пену,—
Из парижской своей мастерской
Все писал этот мост через Сену.

Поздней осенью, ранней весной,
Когда дымка висит над Парижем
Или меленький дождь навесной
Целый день барабанит по крышам.

Он писал его ночью, в огнях,
И той редкой довольно порою,
Когда снег на шершавых камнях
Налипает пушистой горою.

Так всю жизнь он писал его всласть,
Все растягивал серию эту,
Утоляя безмерную страсть
К жизни, городу, цвету и свету.

МАРБУРГ

Город стер грим,
Смутно тревожа
Братьями Гримм,
Лютером — тоже.

Высветил знак
В гуще вопросов,
Где Пастернак
И Ломоносов,—
Каждый — студент,
Разным столетьем
Каждый задет
Городом этим.

С книгой в руке,
Легкою птицей,
На чердаке
Под черепицей.

В замке пустом —
Гулы акустик.
Это потом
Вряд ли отпустит.

* * *

Сквозь невозмутимые черты
Откровенно сдержанной планеты
Проступают, молодо-чисты,
Бесконечно давние приметы.

Золотая ранняя пыльца,
Видимая все-таки туманно
Сквозь морщинки женского лица,
Сквозь его помаду и румяна.

КРИТ

Вдруг сделалось одиноко:
Куда занесло — на Крит!
Попробовал осьминога —
У берега стол накрыт.

Мы заняты разговором,
И речи у нас просты.
А море пред нашим взором
Раскатывает холсты.

Развертывает рулоны
Материи непрстой —
Истории раскаленной,
Что стала здесь на постой.

И серые камни Крита
Так просто знакомы с ней —
От ранней, что в дымке скрыта,
До самых последних дней.

У МОГИЛЫ СОВЕТСКИХ СОЛДАТ В ИТАЛИИ

Родина помнит о вас.
Но среди смертельного вала,
Может, на миг забывала,—
Слишком уж страшен был час.
Родина помнит о вас.
Или, возможно, не знала.
Впрочем, ни много ни мало,
Но столько лет миновало,
А этот свет не угас.
Родина помнит о вас.

* * *

С Симоном Чиковани,
Расслабленные столь,
Сидели на диване
В гостинице «Бристоль».

Вечерняя Варшава
За окнами текла,
Вершила и свершала
Привычные дела.

Каштаны в полном росте
Стремилась от земли.
Назад минуту гости
Простились и ушли.

Средь комнаты висели
Табачные пласты.
(Бутылки «Енисели»,
Естественно, пусты.)

Но поздняя прохлада
Ползла, как будто с гор,
И, не теряя лада,
Тянулся разговор...

Опять за пеленою
Видны издалека —
Лицо его худое
И тонкая рука.

ПОЛЬСКИЕ СВЕЧИ

Польские свечи
В Лазенках на водах.
Женские плечи,
Воспетые в одах.

К виолончели
Припавший смычок.
Словно сквозь щели
Течет сквознячок.

Давние сечи
С туманом над ними...
Польские свечи
И пламя в камине.

Длится минута
С домашним огнем.
А для уюта —
Снежок за окном.

Добрые встречи,
Беседы и отдых
После великих и долгих трудов.
Польские свечи
В Лазенках на водах
Или вблизи Патриарших прудов.

ДУБУЛТЫ

Друзья, сейчас мы вам покажем
С балкона редкие места:
Речной пейзаж с морским пейзажем
На расстоянье метров ста.

Как будто в школьном кабинете
Географическом сидим
Или гуляем по планете
Воображением своим.

Как будто дни, что коротал ты
В дорогах разных столько раз,
В квадратный лист единой карты
Внезапно сближены сейчас.

НА СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ

Стойкий звук теплоходной сирены.
Корабельные — к ночи — огни.
Темно-красного берега стены —
Будто кладки старинной они.

Сверху церковь в закатном окладе
Над весенней природой парит,
А под ней, на серебряной глади,
Желтой свечечкой бакен горит.

ПРИСТАНЬ

Причалили — и отвалили.
Никто не вышел и не сел.
И разом берег отдалили,
Иное взяли на прицел.

И вдруг за полосую плеса
С кормы увиделась в лугах
Простоволосая береза,
Что выбежала впопыхах.

* * *

Опустелая обитель,
И, затерянный в полях,
С чадами автолюбитель
На зеленых «Жигулях».

Сумеречная погода.
Глушь. Темнеет на глазах.
И по краю небосвода
Белой молнии зигзаг.

* * *

Срединное течение —
Меж зарослей ручей.
Неясное значенье
Его глухих речей.

Лесное захоlustье.
Крутящийся листок...
Брести туда, где устье,
Или искать исток?

* * *

Звоны катятся, как встарь,
С заповедной колокольни.
Образованный звонарь
Знает школы все и корни.

Здесь наукой занят он,
Предан ей душой и телом.
Реставрированный звон —
Это только между делом.

Увлеченности — хвала!
И под сильными руками
Вот уже колокола
Разговаривают сами.

Он их все пускает в ход,
Крепко держит эти нити.
— Одного недостает,—
Объясняет,— извините...

Весел, молод, бородат,
Как его возможный прадед,
Он откинулся назад,
Будто резвой тройкой правит.

И над Северной Двиной,
В сизой мгле, в года иные,
От могучей коренной
Отвернулись пристяжные.

НАРОД И ЦАРЬ

— Знаете, кто я,
и помните, кто вы? —
Царственный голос над зноем долин.
— Знаем, всесильный,
и помнить готовы:
Ты — властелин.
Мы — пластилин.

Мы пребываем в дощатой опоке,
В стенках, куда ты нас лично вминал.
Но подступают иные эпохи,
И переводятся формы в металл.

* * *

Удар часов течет недлинно
Во тьме, и в нем неясность есть:
Час? Или это половина
Второго? Третьего?.. Бог весть.

И, как обещанного дара,
Сквозь сон прерывисто дыша,
Последующего удара
Еще мгновенье ждет душа.

* * *

Слово зажигается от слова,
Как одна сигарка от другой.
Здесь общенья нашего основа,
Жизни ход под ливнем и пургой.

Слово сочетается со словом
И другому движется вослед.
В глубине, под их наружным слоем,—
Длинно пробивающийся свет.

Слова нескончаемая лава,
Слышимая где-то за бугром,
Словно маневрового состава
Долго продолжающийся гром.

Что там аммониты и тротилы
Перед тем, сколь длится этот вал!..
Большой детонирующей силы
Мир еще пока что не знавал.

* * *

Короткий поворот
Судьбы или ключа —
И сердце вмиг замрет
Иль заспешит стуча.

И сам ты, с сердцем в лад,
Себе едва знаком,
Стоишь, как будто клад
За этим ждешь замком.

Внезапный поворот
Ключа или души.
Но что он отомкнет —
Сам для себя реши.

* * *

Сказать по правде,— и синицу в руки
Хотим, и в бледном небе журавля.
А между тем вблизи смеются внуки
И пахнет крепким яблоком земля.

Передаются через поколенья,
Через рожденных нами же связных,
Черты лица, характера горенье —
Неповторимость наших позывных.

СОДЕРЖАНИЕ

«Приехали — а все цветет...»	5
Экран	6
Баллада о победе	7
«Особенное наше поколение...»	9
На встрече фронтовиков	10
«Приемник выключен — и сразу...»	11
«Были женщины в войну...»	12
«Оставил свой протез...»	13
Старик солдат	14
Московское детство	15
Свист	16
Стихи об одной комнате	17
Старая гравюра	19
Жены поэтов	20
Гнесинское училище	21
Чтение стихов в фойе кинотеатра	22
«Глянул — да он же стар...»	24
Друзья	25
«Его глубинная черта...»	26
Женщины весной	27
В разгар весны	28
Избавленье	29
Юная жена	30
«Все внезапно позабыто...»	31
Двое	32
Чистка крыш	33
«От белых крыш до пят...»	34
Трамвай	35
«Утрату помним в полной мере...»	36
Романс	37

«Переодевалась у окна...»	38
Портрет	39
«Давно усвоив жизни этой ход...»	40
«В лес уходит больная собака...»	41
Отъезд	42
«Платочек из окна вагона...»	43
«Вмешательство поезда в наши дела...»	44
В вагоне	45
«Входим, словно в комнату...»	46
«То ли мокрого куста...»	47
Соревнования авиамоделлистов	48
Осенним днем	49
«Трудно дышится от влаги...»	50
Сестра	51
«Петля туда и сюда...»	52
«Опять задача решена...»	53
«Далёко мечтой залетим!..»	54
Рождение материка	55
Парусник	56
«Видел я, как два гуся в недавнем году...»	57
«Так наполнен я этой равниной...»	58
Первый Лесной переулоч	59
«Не князи, тем боле из грязи...»	61
«У других на руках...»	62
Сон ребенка	63
«Младенец говорит отдельные слова...»	64
«Семьи заведомый оплот...»	65
Объяснение	66
«Растерянный, остался у окна...»	67
«И вдруг узнала: у него...»	68
«Противоречие меж музыкой и словом...»	69
Порт приписки	70
«Как будто бы с картины Грабаря...»	71
«Выражает себя не словами...»	72
Свояченица	73
Автобусная остановка	74
Усталость	75
Горенье	76
Встреча	77
«Мемориальная доска...»	79
«С облегчением вспомнил сквозь сон...»	80
«Полоска зари золотая...»	81
Поздние яблоки	82
Змея	84
Фонарь	85

«Все фартило да фартило...»	86
«Дверь придержал идущий предо мной...»	87
«Молодая ветка клена...»	88
«Моментальная вспышка сирени...»	89
«Свет погасил. И мигом...»	90
Баллада о псе	91
Световой сигнал	93
Общий вагон	94
«Оттиск научной статьи...»	95
«Физики играют в теннис...»	96
Андрею Старостину	97
«При знакомстве — как укор...»	98
«Не огорчаться слишком...»	99
Баллада о возмужании	100
«Где-то на юге горела степь...»	102
Баллада об отпуске	103
«Посередине стол стоит...»	105
Трофейные часы	106
«В неясном сне, судьбою данном...»	107
«Ему немало доставалось...»	108
Бермудский треугольник	109
Танк	110
Сон победителей	111
«Что за люди, что за пруть!..»	112
Московский должитель	113
«Не стоит спорить со стариками...»	114
Старики	115
Сосед	116
«Блестит огонь, слепя...»	117
«Покину тесный карантин...»	118
«Девушка в длинной шинели...»	119
Боль	120
«Понял, что ты незаметно проник...»	121
Экранизация романа...	122
«Сидя, днем, когда придется...»	123
Зенкевич	124
Бегун	125
«Да, нас мало. Мы в плотной десятке...»	126
Знакомый	127
Книга товарища	128
«Артист не должен быть красив...»	129
«Мне сказал один поэт...»	130
Старый поэт	131
Толстой	132

Читая Толстого	133
«Ощущение врача...»	134
Течение болезни	135
«Волной — внезапная тоска...»	136
«Тупую боль загнал...»	137
Перемена	138
Игрушки	139
Студентка	140
Баллада о Зине Кузьминой	141
Отъезд де Голля из Москвы...	143
Художник Марке	144
Марбург	145
«Сквозь невозмутимые черты...»	146
Крит	147
У могилы советских солдат в Италии	148
«С Симоном Чиковани...»	149
Польские свечи	151
Дубулы	152
На Северной Двине	153
Пристань	154
«Опустелая обитель...»	155
«Срединное течение...»	156
«Звоны катятся, как встарь...»	157
Народ и царь	158
«Удар часов течет недлинно...»	159
«Слово зажигается от слова...»	160
«Короткий поворот...»	161
«Сказать по правде,— и синицу в руки...»	162

Константин Яковлевич Ваншенкин

ПОЗДНИЕ ЯБЛОКИ

М., «Советский писатель», 1980, 168 стр.
 План выпуска 1980 г. № 154.
 Редактор В. К. Семакин
 Худож. редактор Д. С. Мухин
 Техн. редактор Ф. Г. Шапиро
 Корректоры Л. М. Вайнер, Р. Г. Рагимова

ИБ № 2087

Сдано в набор 28.01.80. Подписано к печати 20.06.80.
 А06123. Формат 84×100 1/32. Бумага тип. № 1. Жур-
 нальная рубленая гарнитура. Офсетная печать. Усл.
 печ. л. 8,82. Уч.-изд. л. 3,62. Тираж 100 000 экз. За-
 каз № 136. Цена 45 коп. Издательство «Советский
 писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская
 типография Союзполиграфпрома при Государственном
 комитете СССР по делам издательства, полиграфии и
 книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109.